

ISBN 978-1-64655-023-4

SCIENTIFIC ELECTRONIC
LIBRARY
LIBRARY.RU

[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.COM](https://scientific-conference.com)

LIBRARY OF
CONGRESS (USA)

XIII INTERNATIONAL CORRESPONDENCE SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW
OF THE PROBLEMS OF LAW,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

Boston, USA. February 27-28, 2020

ISBN 978-1-64655-023-4

UDC 08

**XIII INTERNATIONAL CORRESPONDENCE
SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE
«INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW OF
THE PROBLEMS OF LAW, SOCIOLOGY AND
POLITICAL SCIENCE»
(Boston. USA. February 27-28, 2020)**

BOSTON. MASSACHUSETTS
PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA
2020

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW OF THE PROBLEMS OF LAW, SOCIOLOGY AND
POLITICAL SCIENCE / COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES. XIII INTERNATIONAL
CORRESPONDENCE SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE (Boston, USA, February 27-28,
2020). Boston. 2020**

EDITOR: EMMA MORGAN
TECHNICAL EDITOR: ELIJAH MOORE
COVER DESIGN BY DANIEL WILSON

CHAIRMAN OF THE ORGANIZING COMMITTEE: *VALTSEV SERGEI*
CONFERENCE ORGANIZING COMMITTEE:

Abdullaev K. (PhD in Economics, Azerbaijan), *Alieva V.* (PhD in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Akbulaev N.* (D.Sc. in Economics, Azerbaijan), *Alikulov S.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Anan'eva E.* (D.Sc. in Philosophy, Ukraine), *Asaturova A.* (PhD in Medicine, Russian Federation), *Askarhodzhaev N.* (PhD in Biological Sc., Republic of Uzbekistan), *Bajtasov R.* (PhD in Agricultural Sc., Belarus), *Bakiko I.* (PhD in Physical Education and Sport, Ukraine), *Bahor T.* (PhD in Philology, Russian Federation), *Baulina M.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Blejh N.* (D.Sc. in Historical Sc., PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Bobrova N.A.* (Doctor of Laws, Russian Federation), *Bogomolov A.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Borodaj V.* (Doctor of Social Sciences, Russian Federation), *Volkov A.* (D.Sc. in Economics, Russian Federation), *Gavrilenkova I.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Garagonich V.* (D.Sc. in Historical Sc., Ukraine), *Glushhenko A.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Russian Federation), *Grinchenko V.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Gubareva T.* (PhD in Laws, Russian Federation), *Gutnikova A.* (PhD in Philology, Ukraine), *Datij A.* (Doctor of Medicine, Russian Federation), *Demchuk N.* (PhD in Economics, Ukraine), *Divnenko O.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Dmitrieva O.A.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Dolenko G.* (D.Sc. in Chemistry, Russian Federation), *Esenova K.* (D.Sc. in Philology, Kazakhstan), *Zhamuldinov V.* (PhD in Laws, Kazakhstan), *Zholdoshev S.* (Doctor of Medicine, Republic of Kyrgyzstan), *Zelenkov M.YU.* (D.Sc. in Political Sc., PhD in Military Sc., Russian Federation), *Ibadov R.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Republic of Uzbekistan), *Il'inskiy N.* (D.Sc. Biological, Russian Federation), *Kajrakbaev A.* (PhD in Physical and Mathematical Sciences, Kazakhstan), *Kaftaeva M.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Klinkov G.T.* (PhD in Pedagogic Sc., Bulgaria), *Koblanov Zh.* (PhD in Philology, Kazakhstan), *Kovaljov M.* (PhD in Economics, Belarus), *Kravcova T.* (PhD in Psychology, Kazakhstan), *Kuz'min S.* (D.Sc. in Geography, Russian Federation), *Kulikova E.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Kurmanbaeva M.* (D.Sc. Biological, Kazakhstan), *Kurpajanidi K.* (PhD in Economics, Republic of Uzbekistan), *Linkova-Daniels N.* (PhD in Pedagogic Sc., Australia), *Lukienko L.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Makarov A.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Macarenko T.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Meimanov B.* (D.Sc. in Economics, Republic of Kyrgyzstan), *Muradov Sh.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Musaev F.* (D.Sc. in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Nabiev A.* (D.Sc. in Geoinformatics, Azerbaijan), *Nazarov R.* (PhD in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Naumov V.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Ovchinnikov Ju.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Petrov V.* (D.Arts, Russian Federation), *Radkevich M.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Rakhimbekov S.* (D.Sc. in Engineering, Kazakhstan), *Rozyhodzhaeva G.* (Doctor of Medicine, Republic of Uzbekistan), *Romanenkova Yu.* (D.Arts, Ukraine), *Rubcova M.* (Doctor of Social Sciences, Russian Federation), *Rumyantsev D.* (D.Sc. in Biological Sc., Russian Federation), *Samkov A.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *San'kov P.* (PhD in Engineering, Ukraine), *Selitrenikova T.* (D.Sc. in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Sibircev V.* (D.Sc. in Economics, Russian Federation), *Skipko T.* (D.Sc. in Economics, Ukraine), *Sopov A.* (D.Sc. in Historical Sc., Russian Federation), *Strekalov V.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Russian Federation), *Stukalenko N.M.* (D.Sc. in Pedagogic Sc., Kazakhstan), *Subachev Ju.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Sulejmanov S.* (PhD in Medicine, Republic of Uzbekistan), *Tregub I.* (D.Sc. in Economics, PhD in Engineering, Russian Federation), *Uporov I.* (PhD in Laws, D.Sc. in Historical Sc., Russian Federation), *Fedos'kina L.* (PhD in Economics, Russian Federation), *Khiltukhina E.* (D.Sc. in Philosophy, Russian Federation), *Cuculjan S.* (PhD in Economics, Republic of Armenia), *Chiladze G.* (Doctor of Laws, Georgia), *Shamshina I.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Sharipov M.* (PhD in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Shevko D.* (PhD in Engineering, Russian Federation).

PROBLEMS OF SCIENCE
PUBLISHED WITH THE ASSISTANCE OF NON-PROFIT ORGANIZATION
«INSTITUTE OF NATIONAL IDEOLOGY»
VENUE OF THE CONFERENCE:
1 AVENUE DE LAFAYETTE, BOSTON, MA 02111, UNITED STATES
TEL. OF THE ORGANIZER OF THE CONFERENCE: +1 617 463 9319 (USA, BOSTON)
THE CONFERENCE WEBSITE:
[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.COM](https://scientific-conference.com)

PUBLISHED BY ARRANGEMENT WITH THE AUTHORS
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/deed.en>

Contents

LEGAL SCIENCES.....	4
<i>Hamrokulov B.M.</i> (Republic of Uzbekistan) SETTLEMENT OF MORAL DAMAGES IN INTERNATIONAL TREATIES / <i>Хамрокулов Б.М.</i> (Республика Узбекистан) УРЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ.....	4
<i>Musayev E.T.</i> (Republic of Uzbekistan) SPORTS LAW AS A SUB-BRANCH OF LEGAL SCIENCE IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN / <i>Мусаев Э.Т.</i> (Республика Узбекистан) СПОРТИВНОЕ ПРАВО КАК ПОДОТРАСЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН	11
<i>Zhamikeev B.S.</i> (Republic of Kazakhstan) THE ROLE OF THE WORLD BANK GROUP IN ADDRESSING ENFORCEMENT ISSUES IN INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW / <i>Жамикеев Б.С.</i> (Республика Казахстан) РОЛЬ ГРУППЫ ВСЕМИРНОГО БАНКА В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРАВЕ.....	23
POLITICAL SCIENCES	37
<i>Murodova N.S.</i> (Republic of Tajikistan) FEATURES OF MODERNIZATION OF THE POLITICAL SYSTEM OF THE STATES OF POST-SOVIET SPACE / <i>Муродова Н.С.</i> (Республика Таджикистан) ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА	37

LEGAL SCIENCES

SETTLEMENT OF MORAL DAMAGES IN INTERNATIONAL TREATIES

Hamrokulov B.M. (Republic of Uzbekistan)

Email: Hamrokulov513@scientifictext.ru

*Hamrokulov Bahodir Mamasharifovich – PhD in Law, Lecturer,
DEPARTMENT OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW AND CIVIL
LAW DISCIPLINES,
UNIVERSITY OF WORLD ECONOMY AND DIPLOMACY,
TASHKENT, REPUBLIC OF UZBEKISTAN*

Abstract: *the article studies the rules governing compensation for moral harm provided for in bilateral and multilateral international treaties ratified by the Republic of Uzbekistan. If in respect of citizens indicated in international treaties cases of infringement of their rights or when pressure was exerted on them were committed, then a citizen may suffer moral harm as a result of his emotional experiences. Such non-pecuniary damage must be compensated in the manner prescribed by law. The Convention on the Unification of Certain Rules of International Air Transport and its protocol, as well as the Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters, signed by the Republic of Uzbekistan with a number of states, are obligated to compensate for moral damage caused to citizens of the participating states.*

Keywords: *moral harm, compensation, suffering, physical and mental pain, physical suffering, convention, international treaty, individual, foreign state.*

УРЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ

Хамрокулов Б.М. (Республика Узбекистан)

*Хамрокулов Баходир Мамашарифович – кандидат юридических
наук, преподаватель,
кафедра международного частного права и гражданско-
правовых дисциплин,*

Аннотация: в статье изучены нормы, регулирующие компенсацию морального вреда, предусмотренные в двусторонних и многосторонних международных договорах, ратифицированных Республикой Узбекистан. Если в отношении граждан, указанных в международных договорах, были допущены случаи ущемления их прав или оказания давления на них, то гражданину может быть нанесен моральный вред вследствие его душевных переживаний. Такой моральный вред должен компенсироваться в установленном законодательством порядке. Конвенция об унификации некоторых правил международных воздушных перевозок и протокол к нему, а также Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанная Республикой Узбекистан с рядом государств, обязаны компенсировать моральный ущерб, причиненный гражданам государств-участников.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация, страдания, физическая и душевная боль, физическое страдание, конвенция, международный договор, физическое лицо, иностранный государство.

В Гражданском кодексе Республики Узбекистан и в других нормативно-правовых актах урегулированы возмещение морального вреда. Под моральным вредом следует понимать душевные переживания и/или физическая боль, перенесенное гражданином в результате противозаконных действий (бездействий) совершенных по отношению к нему.

Вопросы возмещения морального ущерба регулируются не только национальными законами, но и декларациями, конвенциями и международными договорами, ратифицированными Республикой Узбекистан, а также двусторонними и многосторонними международными соглашениями, подписанными нашей страной. Однако, хотя эти международные соглашения не предусматривают прямой

компенсации морального ущерба, сущность их содержания это предусматривает.

В статье 1194 Гражданского кодекса Республики Узбекистан определено, что права и обязанности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда, (в том числе моральный вред – мнение истребителя) определяются по праву страны, где имело место (в том числе моральный вред – мнение истребителя), действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении вреда. В результате нарушения прав граждан, предусмотренных международными договорами, допустим, что если гражданин Республики Узбекистан считает, что он понес моральный вред, то в зависимости от того, в каком государстве этот вред был причинен, если вопрос о возмещении морального вреда был урегулирован в законодательстве государства, в котором был причинен ущерб, гражданин понесший моральный вред может потребовать компенсацию морального вреда от причинителя в судебном порядке.

Если права и обязанности, возникающие в связи с ущербом, понесенным за границей, если граждане или юридические лица являются резидентами одного государства, то определяется правом данного государства.

В свою очередь если в качестве примера рассмотрим подписанное в 1929 году в Варшаве Конвенцию об унификации некоторых правил международных воздушных перевозок и протоколов к нему, то в статье 22 данной Конвенции [1] закреплены обязанности перевозчика. Конечно, в нем предусматривается материальная ответственность, без упоминания морального ущерба. В качестве примера можно сказать, допустим, что при пользовании международной авиакомпанией был нанесен ущерб здоровью гражданина. В результате гражданин перенес моральные страдания. В этом случае, какова решение данной проблемы? Хотя Конвенция не предусматривает компенсацию морального ущерба, но по нашему мнению, если гражданин Республики Узбекистан понес моральный ущерб в результате перевозки пассажира, багажа или груза в международных авиалиниях, пострадавшее лицо может

потребовать возмещения ущерба в качестве потребителя в судебном порядке. Кроме того, исходя из названия конвенции (Конвенцию об унификации некоторых правил международных воздушных перевозок) ясно, что в нем не урегулированы все правила, а лишь некоторые правила международных воздушных перевозок.

Статья 7 Конвенции о перевозках пассажиров и грузов в автомобилях в международном масштабе, ратифицированная Олий Мажлисом Республики Узбекистан 26 декабря 1997 года [2] гласит, что перевозчик обязан компенсировать причиненный ущерб, если данный ущерб был нанесен здоровью пассажира (его смерть, получение тяжких телесных травм и иные ущербы его здоровью), и его грузу (в результате частичной или полной потери багажа) во время перевозки. Хотя в Конвенции рассматривается ущерб, причиненный пассажиру, но компенсация морального вреда, понесенного пассажиром, не регулируется напрямую. Естественно, после получения телесных травм вплоть до выздоровления пассажир переживает психические мучения. Если ущерб был нанесен внешнему виду пассажира (например он остался без одной руки), то в данном случае психическая боль будет сильнее, больнее, мучительнее. В конвенции установлена обязанность перевозчика за «нанесенный ущерб», но точно не определено именно за какой ущерб перевозчик несет ответственность, а также не указан порядок привлечения его к ответственности. Так как здесь ущерб рассматривается в общем порядке, то перевозчик должен компенсировать и моральный вред, нанесенный пассажиру во время перевозки. Пассажир наряду с материальным ущербом вправе потребовать и компенсацию морального вреда. Согласно статье 9 Конвенции размер ущерба определяется национальным законодательством страны участника Конвенции. Значит, при нанесение ущерба гражданину Республики Узбекистан в пределах отношений регулируемых Конвенцией, то размер такого ущерба определяется исходя из законов государства-члена, на территории которого был нанесен ущерб. Например, ущерб был нанесен на территории Республики Узбекистан, независимо от того гражданином какого государства является пострадавший, размер

ущерба будет определяться на основании законодательства Республики Узбекистан.

На сегодняшний день при разрешении споров связанных с компенсацией или в отказе в компенсации морального вреда возникших из процесса международной перевозки суд основывается на национальные нормы и на судебную практику, а также допускается компенсация морального вреда на основании действующих документов.

В статье 42 Конвенции «О правоотношение и правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам» подписанной в 6 мая 1993 года в Минске [3] определено, что обязанность возместить ущерб, за исключением случаев, указанных в договорах и других правовых действиях, определяется законодательством Договаривающихся сторон, в отношении которых причинен вред. Исходя из нормы указанной в конвенции можно определить, что нанесенный ущерб должен являться внедоговорным обязательством (деликтным). А вопрос компенсации морального вреда возникает даже из деликтных обязательств. Вопрос компенсации морального вреда определяется по праву того государства, в котором происходили действия являющиеся основанием для требования компенсации морального вреда. Данную конвенцию подписали такие государства как Российская Федерация, Республика Армения, Республика Беларусь, Таджикистан, Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан, Узбекистан, Молдова, Украина, Грузия и Республика Азербайджан. Если гражданину Республики Узбекистан будет нанесен моральный вред в одном из вышеуказанных стран, если в законодательстве данной страны предусмотрены нормы компенсации такого морального вреда, то можно потребовать компенсацию нанесенного морального вреда. Согласно конвенции для требования компенсации морального вреда необходимо чтоб в законодательстве государства от которого требуется компенсация морального вреда предусматривались нормы регулирующие данный вопрос. Так как в Конвенции указано, что компенсация вреда определяется по праву страны в котором были совершены действия или произошли другие обстоятельства, на основании которых требуется компенсация

вреда. Если в законодательстве Договолившихся сторон не предусмотрены нормы регулирующие вопросы связанные с компенсацией морального вреда, то суд вправе применить право другого государства, а также можно применить закон того государства которому принадлежит гражданин, подавший заявление о компенсации нанесенного ущерба. Но таких случаев на практике очень мало.

Если причинивший моральный вред и пострадавший являются гражданами одного государства, то применяется право данного государства.

В статье 81 Конвенции определено, что отношения вытекающие из применения Конвенции разрешаются соглашениями уполномоченных органов Договолившихся сторон. Данное определение охватывает также вопросы связанные с компенсацией морального вреда.

Основываясь на вышеуказанной статье Республика Узбекистан подписал двусторонние договора о правоотношениях в сфере гражданских, семейных и уголовных и правовой помощи с Республикой Латвия (13.05.1996), с Грузией (18.05.1996), с Туркменистаном (27.11.1996), с Республикой Кыргызстан (24.12.1996), с Республикой Литва (20.02.1997), с Казахстаном (02.06.1997), с Азербайджаном (18.06.1997) и с Украиной (19.02.1998). В различных статьях двусторонних договоров заключенных с Республикой Узбекистан на государств возлагается обязанность компенсации нанесенного вреда (в том числе морального). А именно, в данных международных документах говорится следующее: «вопрос о возмещении убытков, за исключением тех, которые указаны в договорах и других правовых действиях, определяется законодательством Договаривающихся сторон, в которых действие или иное обстоятельство привело к требованию возмещения убытков».¹

¹ С Республикой Узбекистан заключены договоры «О правоотношениях в сфере гражданских, семейных и уголовных дел и правовой помощи» предусматривающие возмещение ущерба нижеследующими государствами: Республика Латвия (35 статья), Республика Грузия (40 статья), Республика Туркменистан (42 статья), Республика Кыргызстан (41 статья), Республика Латвия (40 статья), Республика Казахстан (20 статья), Республика Азербайджан (20 статья) и Украина (42 статья).

Кроме того, существует несколько международных договоров, предусматривающих компенсацию (морального) ущерба. Это Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года, Международный пакт о гражданских и политических правах, который вступил в силу 3 января 1976 года, соглашение между Правительством Республики Узбекистан и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и предотвращения гражданской обороны, подписанное 6 мая 1998 года, Конвенция о гражданской ответственности за коррупцию, подписанная Европейским союзом 4 ноября 1999 года, соглашение о взаимном признании компенсации за ущерб, причиненный трудовым травмам, связанным с работой заболеванием или другим ухудшением здоровья, подписано 9 сентября 1994 года.

В качестве вывода можно сказать, что в случае нарушения прав граждан, предусмотренных двусторонними и многосторонними международными договорами, ратифицированными Республикой Узбекистан, моральный ущерб может быть причинен потерпевшим. Эти убытки возмещаются в порядке, установленном законом.

Список литературы / References

1. Постановление Олий Мажлиса Республики Узбекистан от 6 мая 1995 года № 80-I. Вестник Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 1995. № 6. Статья 128.
2. Постановление Олий Мажлиса Республики Узбекистан от 26 декабря 1997 года № 522-1. Вестник Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 1998. № 1. Статья 19.
3. Решение Верховного Совета Республики Узбекистан от 6 мая 1993 года № 825-XII. Вестник Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 1993. № 5. Статья 209.

SPORTS LAW AS A SUB-BRANCH OF LEGAL SCIENCE IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Musayev E.T. (Republic of Uzbekistan)

Email: Musayev513@scientifictext.ru

*Musayev Elbek Tayufovich - Candidate of Law,
Acting Associate Professor,
DEPARTMENT OF CIVIL LAW,
TASHKENT STATE LAW UNIVERSITY,
TASHKENT, REPUBLIC OF UZBEKISTAN*

Abstract: *the article analyzes the process of legal regulation of sports relations, gives the concept of "sports law" as a sub-branch of legal science in the Republic of Uzbekistan. Defined objects of legal regulation in the sports field. An attempt was made to define the subject of sports relations, namely, that the subject is public relations in the field of physical culture and sports, the attributes of the subject, the sources of sports law are identified, the subject composition is analyzed. The main trends in the development of sports law not only in Uzbekistan but also abroad are also described. It is proposed to amend and supplement the legislation of the Republic of Uzbekistan in the field of physical education and sports.*

Keywords: *sport, physical culture, sports law, sources of sports law, objects, subjects, subject of sports law, sports and legal regulation, development trend, sports legislation.*

СПОРТИВНОЕ ПРАВО КАК ПОДОТРАСЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Мусаев Э.Т. (Республика Узбекистан)

*Мусаев Эльбек Таюфович - кандидат юридических наук,
исполняющий обязанности доцента,
кафедра гражданского права,
Ташкентский государственный юридический университет,
г. Ташкент, Республика Узбекистан*

Аннотация: *в статье анализируется процесс договорно-правового регулирования спортивных отношений, дано понятие*

«спортивному праву» как подотрасли юридической науки в Республике Узбекистан. Определены объекты правового регулирования в спортивной сфере. Предпринята попытка дать определение предмета спортивных отношений, а именно то, что предметом выступают общественные отношения в сфере физической культуры и спорта, определены признаки предмета, источники спортивного права, анализируется субъектный состав. Также описаны основные тенденции развития спортивного права не только в Узбекистане, но и за рубежом. Предлагается внесение изменений и дополнений в законодательство Республики Узбекистан в сфере физической культуры и спорта.

Ключевые слова: спорт, физическая культура, спортивное право, источники спортивного права, объекты, субъекты, предмет спортивного права, спортивно-правовое регулирование, тенденция развития, спортивное законодательство.

Процесс становления и развития отношений в современной спорте, как показывает мировой опыт, на сегодняшний день невозможен без обеспечения договорно-правового регулирования.

Вместе с тем в Узбекистане механизм договорно-правового регулирования спортивных отношений еще полностью не сложился, возможность его совершения до конца не получила необходимого теоретического обоснования. В свою очередь, обеспечение регулирования этих отношений очень важно для любого государства.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день вопросы правового регулирования спортивных отношений находятся под вниманием государства и это находит свое отражение в принимаемых нормативно-правовых документах. В частности, Президент Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёев своим указом утвердил «Стратегию действий по пяти приоритетным направлениям развития Узбекистана в 2017—2021 годах», где в качестве одного из основных направлений развития страны предусматривается социальная сфера. В Стратегии сказано о «формировании здорового образа жизни среди детей и молодежи,

широком привлечении их к физической культуре и спорту, дальнейшем улучшении условий для занятий» [1].

Переход Узбекистана к рыночным отношениям выявил и множество острых практических проблем в области спортивных отношений, проблемы правового статуса любителей спорта, трансформации форм собственности на спортивные объекты, их стоимостная оценка, направления государственной политики в области физической культуры и спорта. Повышение значимости данных проблем вызвано и тем, что старые рыночные реформы в социальной сфере привели, как и в других секторах, к потере государственного управления и вхождению его в стихию рыночной экономики на самых трудных условиях. Это выражается в множественных проблемах, существующих в сфере физической культуры и спорта. Все это определяет актуальность избранной исследователем темы и требует коренного изменения отношения к физической культуре и спорту, принятия мер, останавливающих вышеперечисленные негативные процессы.

В настоящее время все большую актуальность, в том числе в Республике Узбекистан приобретает спортивное право. Во многом это объясняется популяризацией спорта высоких достижений, профессионального спорта, который как общественное явление не может существовать без надлежащего правового регулирования. В связи с этим был создан и продолжает развиваться и дополняться соответствующий комплекс норм права в сфере спортивного регулирования.

Спортивное право – новое направление в юриспруденции. В юридической науке и по сей день нет единого, точного определения спортивного права. По мнению С.В. Алексеева, спортивное право есть ничто иное, как комплексная отрасль права [2].

Что подразумевается под комплексной отраслью? Этим термином обозначают совокупность правовых норм, которые регулируют отношения в определенной сфере деятельности и относятся к разным отраслям права. Необходимо различать комплексные отрасли и межотраслевые комплексы правовых норм. Последние направлены на регулирование более узкой, специфической области общественных отношений и, зачастую, не выделяются в специальный учебный курс [3]. Эту точку зрения

разделяют также российские правоведы В.А. Витушко, А.Н. Егоричев, Д.И. Рогачев [4].

Однако существует иное мнение, суть которого заключается в том, что спортивное право не является отраслью, а представляет собой только лишь правовой институт. Институт права – это основной элемент системы права, представленный совокупностью правовых норм, регулирующих однородную группу общественных отношений [5]. Институт входит в одну или несколько отраслей права, являясь ее составляющей частью. Например, Н.А. Овчинникова считает, что нормы, регулирующие отношения в сфере физической культуры и спорта, представляют собой «развивающийся неотдифференцированный межотраслевой нормативно-правовой массив, переросший рамки комплексного правового института, однако не сформировавшийся как комплексная отрасль», а нормы, являющиеся основой профессионального спорта, составляют комплексный (межотраслевой) институт, входящий в это неотдифференцированное вторичное образование [6].

Но нужно отметить, что само спортивное право состоит из отдельных больших институтов, которые нельзя назвать субинститутами в его составе. Также для спортивного права не свойственна автономность правового регулирования, которая служит критерием для выделения правовых институтов. Кроме того, институт права составляет группа общественных отношений, а в отрасль входят однородные отношения, то есть осуществляется регулирование целой сферы общественных отношений. Значит, к определению спортивного права более подходит понятие отрасль. А тот факт, что какие-то нормы спортивного права относятся к гражданскому праву, другие к административному, финансовому, международному и пр., демонстрирует комплексный характер отрасли.

Теперь можно дать определение спортивному праву. По нашему мнению, спортивное право – это комплексная отрасль права, представляющая собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в сфере физической культуры и спорта. Отсюда вытекает, что

предметом спортивного права являются так называемые спортивные отношения. Рассмотрим предмет подробнее.

Объект правового регулирования в спортивной сфере – физическая культура и спорт (массовый (физкультурный), спорт высших достижений (олимпийский и профессиональный). В качестве предмета выступают общественные отношения в сфере физической культуры и спорта.

Мы поддерживаем мнение А.В. Сердюкова, [7] что под предметом спортивного права надо понимать спортивные отношения – особый род общественных отношений, отличающихся уникальностью объекта, высокой степенью регламентированности и стабильностью, направленными на удовлетворение особых психологических и физиологических потребностей человека, ориентированных на соревновательную (состязательную) деятельность и (или) подготовку к ней.

Следует отграничить физическую культуру и спорт. Говоря простым языком, физкультура являет собой физическую активность, направленную на оздоровление и укрепление организма. Является составляющей здорового образа жизни. Спорт – составная часть физической культуры, средство и метод физического воспитания, основанный на использовании соревновательной деятельности и подготовке к ней, в процессе которой сравниваются и оцениваются потенциальные возможности человека [8]. Нужно сказать, что оба эти явления служат удовлетворению физических и психологических потребностей человека, иногда к ним относят и интеллектуальные потребности.

Что касается профессионального спорта, то под ним подразумевается раздел спорта, представляющий коммерческую деятельность, которая направлена на зрелищность, обеспечение досуга населения, предусматривает экономическую эффективность и получение субъектами прибыли. Существует также и спорт высоких достижений (олимпийский). Его иногда рассматривают как часть профессионального спорта. Суть состоит в систематической, многолетней профессиональной подготовке спортсменов к участию в соревнованиях крупного масштаба с целью достижения высоких результатов и победы. Однако в

настоящее время эти два понятия (профессиональный и олимпийский спорт) сближаются, и многие ученые их не разграничивают. Считаем это мнение справедливым, т.к. в настоящее время к участию в Олимпийских Играх стали допускать сильнейших спортсменов планеты, а именно профессионалов.

Большинство ученых как в сфере физической культуры и спорта, так и среди юристов, рассматривают спорт в составе физической культуры, поэтому и понимают в качестве предмета и то, и другое. Эту же позицию занимает, например, российский законодатель, о чем свидетельствует Федеральный закон от 04.12.2007 №329-ФЗ (ред. от 03.11.2015) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Другая группа исследователей, как В.П. Васькевич, [9] относит к предмету спортивно-правового регулирования только профессиональные спортивные отношения. Однако первый подход считается более распространённым, даже общепринятым. По-нашему мнению, разделять спорт и физическую культуру нельзя.

Следует отметить то, что спортивному праву, в частности регулируемым им отношениям, не свойственен принцип эквивалентности.

Определив, что входит в состав предмета спортивного права, можно выделить его (предмета) основные признаки:

- удовлетворение физических, психических и интеллектуальных потребностей человека;
- соревновательный, иногда еще и коммерческий элемент деятельности;
- регламентация результатов деятельности и методов их достижения;
- невозможность или ограничение в применении принципа эквивалентности;
- постоянство и стабильность регулируемых отношений.

Следующий важный элемент любых правоотношений – субъект. В спортивном праве субъектами выступают:

- 1) спортсменов – лицо, занимающееся спортом и участвующее в спортивных состязаниях;

2) тренер – лицо, которое получило профессиональное образование и осуществляет подготовку спортсмена и руководит его спортивной деятельностью;

3) судья (арбитр, рефери) – лицо, осуществляющее контроль за проведением и подведением результатов спортивного мероприятия (как правило, имеет специальную подготовку и квалификацию);

4) организатор спортивного мероприятия – инициатор проведения спортивного мероприятия, которые обеспечивает его организацию, финансирование и проведение.

В последнее время во многих соревнованиях введен институт инспекторства, т.е. должности специалиста, контролирующего действия судьи (арбитра) этих соревнований. Например, в Республике Узбекистан, начиная с 1992 года, в играх Чемпионата по футболу в обязательном порядке присутствует инспектор. Эта же должность введена в соревнованиях по многим видам спорта, в том числе и за рубежом (инспектор матчей ФИФА, УЕФА, АФК, других Конфедераций).

Поэтому, думается, что было бы целесообразно добавить в этот список и инспектора – лицо, осуществляющее контроль за действиями спортивных судей (арбитров) в целях недопущения вынесения несправедливых решений со их стороны и повышения качества судейства путем объяснения ошибок, совершаемых судьями, что в конечном итоге должно привести к повышению профессионального уровня судейства в целом. Ведь понятно, что зрелищность соревнований во многом зависит от качества обслуживания этих соревнований, в том числе судьями (арбитрами), их непредвзятостью.

Далее рассмотрим источники спортивного права в Республике Узбекистан. Это Конституция Республики Узбекистан [10], Закон «О физической культуре и спорте Республики Узбекистан» [11], Указ Президента РУ «О мерах по коренному совершенствованию системы государственного управления в области физической культуры и спорта» [12], «Правила поведения зрителей (болельщиков) на стадионах во время проведения спортивных мероприятий по футболу в Республике Узбекистан»,

утвержденных Приказом министра по делам культуры и спорта Республики Узбекистан № 2430 от 22.02.2013 года [13].

Однако, этих источников явно не достаточно. Например, в Российской Федерации таких источников намного больше. К ним относятся нормативные правовые акты, среди которых Конституция РФ, Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 03.11.2015) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», Федеральный закон от 27 декабря 2006 г. №240-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте». Сюда же можно причислить Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. №2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» и Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ (ред. от 02.03.2016) «Об образовании в Российской Федерации», которые затрагивают отчасти сферу спортивных отношений (например, ст. 84 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» об особенностях реализации образовательных программ в области физической культуры и спорта), Закон о болельщиках или Федеральный закон от 23 июля 2013 года № 192-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, в связи с обеспечением общественного порядка и общественной безопасности при проведении официальных спортивных соревнований». Из кодифицированных актов имеют отношение к сфере спортивно-правового регулирования «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 №63-ФЗ, устанавливающих уголовную ответственность за преступления в спорте, «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 №197-ФЗ, устанавливающий особенности регулирования труда спортсменов и тренеров.

Из подзаконных правовых актов следует назвать, например, Указ Президента Российской Федерации от 22 мая 1996 г. №748 «О дополнительных гарантиях спортсменам, работникам физической культуры, спорта и туризма», Распоряжение Правительства РФ от 07.08.2009 №1101-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года». Существует также ряд нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации

(например, Закон Челябинской области от 05.07.99 №78-Зо «О физической культуре и спорте»).

Можно упомянуть Закон «О статусе спортивных болельщиков», принятый в Бразилии ещё в 2003 году [14].

К источникам спортивного права некоторые ученые относят и коллективные соглашения, которые регламентируют трудовые отношения с участием спортсменов, договоры о делегировании общероссийскими спортивными федерациями права организации и проведения чемпионатов, первенств и кубков России.

Рассмотрев понятие и основные составляющие спортивного права, перейдем к перспективам его развития. Во всем мире спортивное право набирает все большую популярность. Узбекистан является постоянным активным участником различных спортивных мероприятий международного масштаба - Олимпийских Игр, Чемпионатов мира, Азии, Внутри страны также проходит огромное множество соревнований, состязаний, игр, первенств, кубков, чемпионатов и т. д.

На сегодняшний день спортивное право в Республики Узбекистан находится на начальном этапе развития. Принят основной акт, регулирующий вопросы спортивно-правового регулирования (Закон «О физической культуре и спорте в Республике Узбекистан»), существует ряд актов, затрагивающих отдельные вопросы в сфере спорта, однако они не решают всех проблем в спортивном праве, далеко не все моменты регламентированы. Необходима целая система отдельных правовых актов, которые будут регулировать вопросы спорта, его отдельные институты, в том числе необходимо особое внимание уделить процессуальному регулированию, а также спортивной подготовке. В этом плане актуальна идея создания в будущем отдельного кодифицированного акта – Спортивного Кодекса, так как, мы надеемся, что спортивное право будет развиваться в нашей Республике, и большой комплекс спортивных отношений, который будет закреплён в подзаконных актах, потребует принятия кодекса, как акта республиканского значения. Кодекс соберет в единый кодифицированный документ правовые нормы, регулирующие отношения в спорте и физической культуре.

Думается, что наш законодатель не оставит эту идею без должного внимания.

Многие исследователи отмечают наличие потребности в правовом мониторинге, обеспечивающим наблюдение за спортивным регулированием, и его анализ на всех уровнях, включая и локальный уровень, информирование государственных и общественных органов о состоянии спортивного права, его проблемах и возможности их решения.

Но, наверное, первоначальной задачей перед всей спортивной и юридической наукой должна быть теоретическая, ведь, как ранее упоминалось, до сих пор ведутся споры по поводу терминологии в спортивном праве, определении самого термина «спортивное право». Без хорошо проработанной теории сложно перейти к практике, поэтому законодательная база и тем более ее применение слабо проработаны и содержат в себе много противоречий и проблем.

Таким образом, перспективы развития спортивного права обозначены в следующих направлениях:

- в области юридической и спортивной теоретической науке, развитии научных теорий и концепций, разработке новых взглядов на феномен спортивного права;
- в создании и развитии нормативной базы, регулирующей спортивные отношения;
- в области практического применения спортивного законодательства.

Подводя итог можно сказать, что объективно спортивное право популярно и актуально во всем мире. Существует большое количество взглядов и мнений по поводу сущности и особенностей спортивного права, среди которых по сей день нет единой общепринятой точки зрения. Отсутствие хорошо проработанной теории служит причиной того, что страдает практическое применение. Нормативно-правовая база только начинает развиваться, и требуется пристальный контроль за ее совершенствованием. В целом же, по нашему мнению, существуют благоприятные условия для дальнейшего развития и совершенствования спортивного права в Республике Узбекистан.

Список литературы / References

1. Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Узбекистана в 2017–2021 годах// Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. Lex.uz.
2. *Алексеев С.В.* Спортивное право России. М., 2007. С. 129–133.
3. *Алексеев С.В.* Спортивное право России. М., 2007. С. 129–133.
4. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. С. 136.
5. *Сердюков А.В.* Спортивное право как комплексная отрасль законодательства: дис.... канд. юрид. наук. Высшая школа экономики. М., 2010. С. 53.
6. *Овчинникова Н.А.* Правовое регулирование профессионального спорта в Российской Федерации: общеправовой анализ. Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 44–50.
7. *Сердюков А.В.* Спортивное право как комплексная отрасль законодательства: дис.... канд. юрид. наук. Высшая школа экономики. М., 2010. С. 53.
8. Большой юридический словарь / А.Я. Сухарев, В.Е. Крутских, А.Я. Сухарева. М.: Инфра-М, 2003.
9. *Васькевич В.П.* О договорном регулировании профессиональной спортивной деятельности. [Электронный ресурс] / В.П. Васькевич // КонсультантПлюс.
10. Конституция Республики Узбекистан // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. Lex.uz.
11. Закон Республики Узбекистан «О физической культуре и спорте»// Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. Lex.uz.
12. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному совершенствованию системы государственного управления в области физической культуры и спорта // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. Lex.uz.

13. «Правила поведения зрителей (болельщиков) на стадионах во время проведения спортивных мероприятий по футболу в Республике Узбекистан», утвержденных Приказом министра по делам культуры и спорта Республики Узбекистан № 2430 от 22.02.2013 года // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. Lex.uz.
 14. Закон Бразилии «О статусе спортивных болельщиков». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http:sport.tut.by/> (дата обращения: 23.11.2019).
-

THE ROLE OF THE WORLD BANK GROUP IN ADDRESSING ENFORCEMENT ISSUES IN INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW

Zhamikeev B.S. (Republic of Kazakhstan)

Email: Zhamikeev513@scientifictext.ru

Zhamikeev Bekzhan Sabitovich - Master Student,

DIRECTION: INTERNATIONAL LAW,

GRADUATE SCHOOL OF LAW,

KAZAKH HUMANITARIAN LAW UNIVERSITY M. NARIKBAYEV,

NUR-SULTAN, REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract: *the article deals with the question of an effective enforcement mechanism in International Environmental Law. The aim of the paper is to resolve major environmental challenges through the involvement of the World Bank Group. Due to its huge mandate as the international development bank as well as due to the inherent connection with environmental problems, we can argue that the Bank has a capability to resolve the issue of ineffective enforcement in International Environmental Law. In this paper, we will consider four major challenges to the effective enforcement in International Environmental Law: (1) Westphalian paradigm; (2) Tragedy of Commons; and (3) Absence of non-compliance mechanisms; As a solution for these challenges, the paper proposes the enforcement mechanisms such as the Bank's hard laws (agreements of loan, grants and credits), soft laws (good offices, financial encouragement) and through subsidiary bodies (ICSID, GEF and IP).*

Keywords: *international environmental law, enforcement, World Bank Group, Westphalian paradigm, state responsibility, non-compliance mechanisms.*

РОЛЬ ГРУППЫ ВСЕМИРНОГО БАНКА В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРАВЕ

Жамикеев Б.С. (Республика Казахстан)

Жамикеев Бекжан Сабитович - магистрант,

направление: международное право,

Аннотация: в статье рассматривается вопрос об эффективном правоприменительном механизме в международном экологическом праве. Целью данной статьи является решение основных экологических проблем за счет участия Группы Всемирного банка. У Банка имеются все возможности для решения проблемы неэффективного правоприменения в международном экологическом праве из-за неотъемлемой связи с экологическими проблемами и огромной значимости банка в качестве международного финансового гиганта. В этой статье мы рассмотрим четыре основные проблемы, которые препятствуют эффективному решению проблем окружающей среды в международном экологическом праве: (1) Вестфальская парадигма; (2) Трагедия общин и (3) Отсутствие механизмов неподчинения. В качестве решения этих проблем в статье предлагаются правоприменительные механизмы, такие как договорные практики Банка, мягкое право и через вспомогательные органы Банка (МЦУИС, ГЭФ и ИК).

Ключевые слова: международное экологическое право, правоприменение, Группа Всемирного банка, государственная ответственность, Вестфальская парадигма.

Nowadays, the world is facing various global environmental concerns that needs to be resolved under international environmental law. Unfortunately, there is no mutual consent between states about how to address those global environmental challenges. Most of the initiatives are getting failed at the stage of negotiations, because states are not willing to cooperate. Even in cases when the states have reached the consensus, most of the signed international environmental agreements are not properly executed and no control is exerted upon contracting parties. The aim of this paper is to identify the major enforcement issues in international environmental law as well as to introduce a World Bank Group (the Bank) as a potential solution for these problems. First of all, the paper will briefly mention about the

relationship between the Bank and the international environmental law. Secondly, the paper will list the major problems in international environmental law connected to the enforcement. Finally, the paper will propose several solutions with the Bank's involvement.

The International Bank for Reconstruction and Development (known as the World Bank Group) was established after Bretton Woods conference held in 1944. According to Art. VII of the Articles of Agreement, the Bank possesses "*full juridical personality, and, in particular, the capacity: (1) to contract; (2) to acquire and dispose of immovable and movable property; (3) to institute legal proceedings;*" [12]. The United Nations (UN) has granted an exceptional privilege and immunity to the Bank, because it is a "*specialized agency of the UN*" [4]. The Bank consists from five separate bodies such as the "International Bank for Reconstruction and Development (IBRD), the International Development Association (IDA), the International Finance Corporation (IFC), the Multilateral Investment Guarantee Agency (MIGA) and the International Centre for Settlement of Investment Disputes (ICSID)" [1]. Each body of the Bank is governed by their founding Articles of Agreement as well as by the Bank's internal documents. In general, the Bank has a contractual liability over internal documents, Articles of Agreements, UN incorporated documents and conventions where the Bank is a party. The ultimate aim of the Bank is to eradicate an "*extreme poverty*" and to encourage a "*shared prosperity*" in the world [1]. All in all, the Bank performs many functions and affects the international law in many different ways. Firstly, it can be seen as a 'knowledge hub' and it can share its knowledge to the countries by providing technical assistance and expertise in reforming internal legal systems of the states. Moreover, the Bank can act as 'law maker'. It can incorporate new trends in international law as well as it can directly influence countries to incorporate that same law. Lastly, the Bank can offer good offices, mediation mechanisms and other forums for the settlement of disputes.

There exists an interdependence between the Bank and the environment. The Bank could not be able to achieve its main goals without properly addressing environmental issues in the world as well as the problems in international environmental law could not be resolved without an interruption of the giant development banks such

as World Bank Group. Firstly, the Bank's goal 'to end poverty' could not be realized, if the Bank will not solve environmental problems in developing countries, because both issues are interrelated. Secondly, the Bank's goal 'to share sustainable economic development' could not be achieved, if the Bank will not address environmental issues first. It is due to the fact that the word 'sustainable' will not hold, if the Bank continues to disrespect environmental concerns. As it was noted by a "WCED" known as the Brundtland Commission, a sustainable economic development is a "*development that meets the needs of the present without compromising the ability of future generations to meet their own needs*" [18]. The Bank started to address environmental issues in investment projects starting from early 1950s, but the understanding that the environmental issues should be incorporated into the project planning phases came to the Bank only in 1970s [18]. The major speech by the President of the Bank, Robert McNamara was the first step towards it. Moreover, the Commission in Stockholm Conference (1972) openly acknowledged that "*protection of the environment could no longer be seen as an obstacle to development but rather needed to be considered as an essential aspect of it*" [18]. The Bank was one of the pioneers in this field. It has modified its internal rules, processes and trained its staff, in order to raise environmental awareness in the Bank. It issued operational manual statement (OMS) which was treated as a guideline for the Bank regarding the issues connected to the environment [18]. Nowadays, the Bank is actively sharing its experience in addressing environmental concerns as well as it is encouraging borrowing states to implement environmentally friendly laws. In 2018, the Bank has issued its latest manual called as "*Environmental and Social Framework*" (ESF). It was designed to help the Bank and borrowers "*to better manage environmental and social risks of projects and to improve development outcomes*" [10]. To sum up, we can argue that the Bank is interested in resolving environmental issues due to its aim and goal. Taking into consideration the role of the Bank in the international arena, we can argue that the Bank has a capability to address the enforcement gaps in international environmental law. But before, we will try to identify the major challenges to the effective enforcement in international environmental law.

The international legal system is designed to regulate mainly inter-state relations through international agreements and other types of binding and non-binding sources of international law [9]. The failure of this system in regard to international environmental law could be explained by a Westphalian paradigm. The paradigm lies on the fact that each state enjoys the sovereignty and no state wants to give up it for a common good. The notion of Westphalian sovereignty takes root from "*Peace of Westphalia (1648)*" which ended thirty years' war. Every state has a sovereignty over its territories, all states are equal and sovereign regardless of its size, economic or military capabilities [7]. Moreover, every state is free to decide its own internal affairs as it wishes, and no state has a legitimate authority to intervene into those affairs [7]. It is important to note that the principle is one of the cornerstones of modern international law and it is highlighted in many international treaties and major agreements. For instance, this principle is imbedded into "*Charter of Economic Rights and Duties of States (1974)*". According to Art. 1 of the General Assembly resolution, "*every State has the sovereign and inalienable right to choose its economic system as well as its political, social and cultural systems in accordance with the will of its people, without outside interference, coercion or threat in any form whatsoever*" [6]. The concept is also portrayed in "*Art. 2 (4) of the Charter of the United Nations (1945)*". Any international treaty or convention requires certain piece of sovereignty to be sacrificed in order to achieve treaty goals and aims. Usually, goals of the treaty are desired by states and once a treaty is in force, states could enjoy the benefits of the international treaty immediately. In other words, states bear costs equal to the benefits that they will get from entering to the international treaty. Unfortunately, it is not the case with international environmental agreements. States often bear costs in current period for benefits that they will get or could possibly get in the future. So, the aim of international environmental agreements is to limit or restrict states from doing certain things now without offering any immediate benefits. For states, such offer is not attractive, so, they choose not to enter into those agreements and continue to enjoy their full sovereignty guaranteed under the Westphalian system. For example, U.S refused to sign Kyoto Protocol (1997) aimed at reducing the greenhouse emissions to the

environment [8]. President Bush said that he cannot sign this international environmental agreement, because it would “*harm our economy and hurt our workers*” meaning that it would harm the state’s sovereignty [8]. All in all, we can conclude that lack of the effective enforcement mechanism was partially caused by Westphalian paradigm and the aim of this paper is to resolve it through incorporation of World Bank Group.

The failure of the system to effectively enforce international environmental laws could be further explained by an economic theory of Tragedy of Commons or a free-rider problem. It is a well-known situation in economics, where no player has an incentive to contribute to a public good, at the same time, no player hesitates to maximize their utility out of it [17]. As the result, the common good gets highly overwhelmed and depleted as a result. Let us frame this concept to a real-life example from international environmental law. For instance, let us refer to “*the Basel Convention on the Control of Transboundary Movements of Hazardous Wastes and their Disposal (1989)*”. From the first glance, it seems that states have agreed to sacrifice some portion of their sovereignty for the common good, but still there are some ambiguities with this convention that no state is eager to resolve. To be more precise, the Basel Convention was signed to ensure that states are in compliance with hazardous waste management as well as to control transboundary movements of e-waste between countries [14]. By e-waste we mean wastes from any electrical and electronic equipment that are very harmful for the environment and so popular nowadays. Initially, it was aimed to totally ban the movement of e-waste across countries, but as a result, it was agreed to limit and control the movement of e-waste between signed states [14]. Moreover, the treaty clearly defines new and used e-wastes. New e-wastes are considered as hazardous and should be strictly controlled, whereas used e-wastes are considered as non-hazardous and no control is provisioned under this treaty (see Annex IX of the Basel Convention) [14]. The biggest problem of the Basel Convention lies on the fact that countries do not distinguish these two categories and new e-wastes are usually imported/exported under Annex IX and no control is imposed to it [14]. Countries are enjoying this exemption and actively exploiting it. No state is eager to propose amendments to the

Basel Convention, because changes to the Basel Convention will restrict their sovereignty and states do not want it. So, this is the bright example of Westphalian paradigm as well as the tragedy of commons. States as players in tragedy of commons are maximizing their utility under Annex IX of the Basel Convention. Designed controls of the convention are not working, and e-wastes are getting accumulated by importing states and there is no control over the hazardous waste movement across countries. Tragedy of commons is not a new theory in economics and many scholars have already offered several economic solutions for it, but for international environmental law most of these solutions are inapplicable. Our aim is to address this problem through involvement of the World Bank Group.

According to Kellenberg and Levinson, the ratification of Basel Convention (1989) did not slow down toxic trade between signed countries [13]. Moreover, there was no decrease in ozone layer depleting substances after Montreal Protocol (1987) as well as no decrease in sulfur emissions after the ratification of Oslo (1994) or Helsinki Protocols (1985) [13]. The reason for such negative trends could be explained by the absence of an adequate enforcement mechanism in international environmental law. One of the most effective mechanism such as adjudication is often not preferable by states in signing international environmental agreements [19]. There are two major reasons for that. Firstly, due to the ineffectiveness of ‘state responsibility’ principle in international environmental law, victim states cannot prove the guiltiness of another state, thus, cannot sue. Secondly, environmental cases are very time-consuming and cumbersome, and states usually abstain from involving into such cases directly. Usually, states prefer to use non-compliance mechanism as a tool to enforce international environmental agreements. The main aim of these mechanisms is to ensure that all clauses of an international environmental agreement is fully followed by all signed states and any deviations are punished. Nevertheless, the statistics above as well as real life practices below shows that non-compliance mechanisms do not work. For instance, refer to Brazil – UK case. The case happened in 2009, when Brazil found that containers with “*recyclable plastic*” label had hazardous substances instead [5]. These containers were from UK and it violated “*Art. 19 of the Basel Convention (1989)*”

[19]. Brazil asked formal consultations under specifically designed non-compliance body of the Basel Convention, but UK was silent [19]. Then, Brazil decided to file a request in WTO [19]. UK used its right under Art. 9 (2) of the Basel Convention to settle the case with Brazil by themselves [19]. Finally, containers were shipped back to UK and no non-compliance measures were taken against UK. Similar situation happened with Trafigura case, where shipped hazardous goods from Amsterdam harmed the environment and caused loss of human life near Ivory Coast [19]. It was again the violation of the Basel Convention, but non-compliance mechanism of the Basel Convention was not triggered. The case was finally resolved when Netherlands agreed to repair the harm, but still the State was considered as not guilty. Lastly, according to Salzmann, “*a former chairperson of its Compliance Committee has expressed his personal opinion according to which parties may actually prefer to resort to the WTO dispute settlement system, rather than to the Protocol’s NCP*”, which means that non-compliance mechanism of Cartagena Protocol is weaker and ineffective comparing to WTO system [19]. To sum up, it appears that there is no effective enforcement mechanism in place in international environmental agreements and the aim is to present a World Bank Group as a potential enforcer of international environmental agreements.

The Bank has a variety of instruments that it can employ to influence the enforcement mechanism in international environmental law. In this paragraph, we will analyze the Bank’s hard laws such as agreements of loans, grants and credits between the Bank and borrowers as well as the Bank’s internal legal documents such as operational directives, bank procedures and so on. Bank procedures and operational directives regarding the environmental concerns are all combined under “*Environmental and Social Framework*” (ESF) which was issued in 2018. The document is designed to ensure compliance in the Bank financed projects. It is a binding law to both, the Bank and a borrower. Precisely, ESF is directly binding to the Bank, because it is its internal legal document. At the same time, ESF is indirectly binding to borrowers, because ESF policies are reflected in agreements of loan, grants, guarantees or credits between the Bank and a borrower. For instance, whenever the Bank enters into agreement with the project

execution bodies (either states or private companies), a borrower gives a commitment that *“to the objectives of the project, to carry out the project with due diligence and efficiency and in conformity with appropriate practices”* [1]. It means that a borrower commits to follow all internal laws and adequate practices of the Bank including ESF framework. According to Bekhechi, this general clause in loan agreements are too vague, thus, has no binding force to the borrowers in reality [1]. The clause is designed to portray ceremonial role rather than a practical one. In addition to this general clause, the Bank can also impose specific actions in the loan agreements. For instance, the loan agreement between the Bank and the Government Congo clearly stated that the country must reform its laws regarding the prolongation and issuance of certain licenses, because those licenses had an adverse effect to the environment of Congo [1]. It is without doubts that such statements in loan agreements have a full binding power over the signing country. Moreover, it is important to note that the non-compliance with this requirement has a sanction from the Bank provisioned in the loan agreements. At the same time, the Bank has committed that it *“will not finance any project that conflicts with an international environmental agreement or a treaty to which the concerned country is a party”* [16]. To sum up, we can conclude that the Bank’s loan agreements and imposed environmental actions in those agreements has a capability to enforce international environmental agreements as well as work as remedy against Westphalian paradigm and in cases of severe violations work as an alternative for non-compliance mechanisms.

The Bank’s certain subsidiary bodies can play a role of non-compliance mechanisms such that those organizations can force states to comply with the international environmental agreements. For instance, Global Environment Facility (GEF) which was established by the help of the Bank, “United Nations Development Program (UNDP)”, and “United Nations Environment Program (UNEP)” [18]. The GEF finances environmental initiatives connected with four main concerns such as *“emissions of greenhouse gases”* (consistent with Kyoto Protocol), *“threats to biological diversity”* (consistent with Convention on Biological Diversity), *“degradation of international water resources”* and *“depletion of the ozone layer”* (consistent with

Montreal Protocol) [11]. Therefore, GEF is designed to encourage the proper execution of international environmental agreements. Moreover, we can also refer to an Inspection Panel (IP). The IP is a semi-independent body that was instituted to address adverse effects from the Bank-financed projects. The IP can hear cases against the Bank (especially IBRD and IDA) as well as against borrower countries. Starting from 1993, The IP has investigated and resolved many cases. One of the bright examples can be *“Forest Concession Management and Control Program”* in Cambodia financed by the Bank. Local NGO in Cambodia has filed a case against the Bank for violating several operational directives regarding the environment and indigenous people. In fact, the Bank has committed to not finance any commercial logging of forests, because it was consistent with the Convention on Biological Diversity (1992). Nevertheless, the Bank has ended with financing the commercial logging of forests. The Management carefully reviewed the case and concluded that the commercial logging in Cambodia will shut down, the Government of Cambodia will be punished, and the Bank will tighten its policies regarding the forests [2]. In addition to the IP, we can also refer to ICSID as a forum to resolve environmental issues. ICSID cannot hear environmental cases directly, but still states can force investors (in most of the cases corporations) to comply with international environmental agreements through counterclaim mechanism in ICSID. For instance, the ICSID heard a case between Burlington Resources Inc. vs. Republic of Ecuador, where the latter raised an environmental counterclaim against Burlington for violation of Ecuadorian tort law by causing environmental harm [3]. The Tribunal awarded *“USD 39.2 million for environmental remediation”* [3]. All in all, above mentioned organizations can force countries and private companies to comply with international and domestic environmental agreements as well as they can act as non-compliance mechanisms. Moreover, those organizations can compensate absence of state responsibility principle by introducing state liability notion.

The Bank can also influence the enforcement mechanism in international environmental law through soft law instruments such as good offices, a financial encouragement as well as by being a role model. For example, the Bank positions itself as fully eco-friendly

entity and argues that all internal processes as well as operational directives of the Bank are all consistent with international environmental treaties. The Bank is actively taking a participation in various conventions and treaties like “*Basel Convention (1989)*” [18]. Moreover, the Bank encourages projects connected with international environmental treaties. The Bank has sponsored Thailand Forestry Project which was in accordance with the Convention on Biological Diversity (1992) [16]. The Bank also supports the formation of new organizations such as Carbon Investment Fund that is designed to control carbon emissions as per Kyoto Protocol (1997) [16]. Most importantly, the Bank can enforce the international environmental agreements directly. For instance, the Bank is “*one of the four implementing agencies of the Multilateral Fund for the Implementation of the Montreal Protocol*” [16]. To sum up, the Bank has a capability to enforce environmental agreements through active participation, encouragement and through the creation of new bodies.

All in all, the goal of the paper was to show the interdependence between the Bank and the environment as well as to highlight the importance of the Bank in resolving the enforcement challenges in international environmental law. In this paper, we have examined four major enforcement challenges in international environmental law. It was argued that international environmental treaties cannot be properly executed due to the Westphalian paradigm and the free-rider problem. Due to the absence of effective non-compliance mechanisms, international environmental agreements are not fully enforced. As a result, no control is imposed to the contracting states. After careful examination of challenges, it was proposed to overcome Westphalian paradigm and the free-rider problem through an incorporation of certain environmental requirements in loan agreements of the Bank with borrower states. In addition to this, it was highlighted that any incompliance with international environmental agreements can be further addressed through specific organizations such as ICSID and IP. The Bank can also enforce environmental treaties through the creation of organizations such as Carbon Investment Fund and GEF. Finally, it was mentioned that the Bank can directly enforce international environmental treaties through providing financial resources for the proper execution of those environmental conventions within the states.

References / Список литературы

1. *Bekhechi M.* 'Some Observations Regarding Enviromental Covenants and Conditionalities in World Bank Lending Activities' (1999) 3 Max Planck UNYB.
2. 'BANK MANAGEMENT RESPONSE TO REQUEST FOR INSPECTION PANEL REVIEW OF THE CAMBODIA FOREST CONCESSION MANAGEMENT AND CONTROL PILOT PROJECT (Credit No. 3365-KH)' (*Inspectionpanel.org*, 2019). [Electronic Resource]. URL: <https://www.inspectionpanel.org/sites/www.inspectionpanel.org/files/ip/PanelCases/36-Management%20Response%20%28English%29.pdf/> (date of access: 16.11.2019).
3. *'Burlington V. Ecuador – Investment Treaty News'* (*Iisd.org*, 2018) <https://www.iisd.org/itn/2018/10/18/burlington-v-ecuador/> (date of access: 16.11.2019).
4. 'Convention an the Privileges And Immunities of the Specialized Agencies' (*Treaties.un.org*, 1947). [Electronic Resource]. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=III-2&chapter=3&lang=en/ (date of access: 13.11.2019).
5. *Cardesa-Salzmman A.* 'Constitutionalising Secondary Rules In Global Environmental Regimes: Non-Compliance Procedures and the Enforcement of Multilateral Environmental Agreements' (2012) 24 Journal of Environmental Law.
6. 'Charter of Economic Rights and Duties of States' (*Aaas.org*, 1974). [Electronic Resource]. URL: https://www.aaas.org/sites/default/files/SRHRL/PDF/IHRDArticle15/Charter_of_Economic_Rights_and_Duties_of_States_Eng.pdf/ (date of access: 04.11.2019).
7. 'Charter of The United Nations' (*Un.org*, 1945). [Electronic Resource]. URL: <https://www.un.org/en/charter-united-nations/> (date of access: 04.11.2019).

8. *Coon C.* 'Why President Bush is Right to Abandon the Kyoto Protocol' (The Heritage Foundation, 2001). [Electronic Resource]. URL: <https://www.heritage.org/environment/report/why-president-bush-right-abandon-the-kyoto-protocol/> (date of access: 04.11.2019).
9. *Engle E.* 'The Transformation of The International Legal System: The Post-Westphalian Legal Order' (2004) 23 *Quinnipiac Law Review*. [Electronic Resource]. URL: <https://ssrn.com/abstract=1020475/> (date of access: 04.11.2019).
10. 'Environmental and Social Framework (ESF)' (World Bank, 2019). [Electronic Resource]. URL: <https://www.worldbank.org/en/projects-operations/environmental-and-social-framework/> (date of access: 13.11.2019).
11. *Head J.* 'Environmental Conditionality in the Operations of International Development Finance Institutions', 1991. 23 *Kan. J. L. & Pub. Pol'y*.
12. 'IBRD Articles Of Agreement: Article VII' (World Bank, 2019). [Electronic Resource]. URL: <https://www.worldbank.org/en/about/articles-of-agreement/ibrd-articles-of-agreement/article-VII/> (date of access: 13.11.2019).
13. *Kellenberg D.A. Levinson.* 'International Environmental Agreements Don'T Work | VOX, CEPR Policy Portal' (Voxeu.org, 2014). [Electronic Resource]. URL: <https://voxeu.org/article/international-environmental-agreements-don-t-work/> (date of access: 04.11.2019).
14. *Khan S.* 'E-Products, E-Waste and the Basel Convention: Regulatory Challenges and Impossibilities of International Environmental Law' (2016) 25 *RECIEL*.
15. *Roessler T.* 'The World Bank's Lending Policy and Environmental Standards' (2000) 26 *NORTH CAROLINA JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW AND COMMERCIAL REGULATION*. [Electronic Resource]. URL: <http://scholarship.law.unc.edu/ncilj/vol26/iss1/3> (date of access: 13.11.2019).

16. *Pettinger T.* 'Free Rider Problem Definition | Economics Help' (Economicshelp.org, 2017). [Electronic Resource]. URL: <https://www.economicshelp.org/blog/glossary/free-rider-problem/> (accessed 04.11.2019).
17. *Shihata I.* 'The World Bank and The Environment: A Legal Perspective', 1992. 16 Maryland Journal of International Law. [Electronic Resource]. URL: <http://digitalcommons.law.umaryland.edu/mjil/vol16/iss1/3> (date of access: 13.11.2019).
18. *Zovko I.* 'International Law-Making for the Environment: a Question of Effectiveness' (Peacepalacelibrary.nl, 2005). [Electronic Resource]. URL: <https://www.peacepalacelibrary.nl/ebooks/files/C08-0030-Zovko-International.pdf> (date of access: 04.11.2019).

POLITICAL SCIENCES

FEATURES OF MODERNIZATION OF THE POLITICAL SYSTEM OF THE STATES OF POST-SOVIET SPACE

Murodova N.S. (Republic of Tajikistan)

Email: Murodova513@scientifictext.ru

*Murodova Nigina Sulaimonovna - Candidate of Political Sciences,
Associate Professor,*

DEPARTMENT OF POLITICAL SCIENCE,

TAJIK NATIONAL UNIVERSITY,

DUSHANBE, REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Abstract: *the article discusses the features of modernization of the political system of the post-Soviet states, which were accompanied by political changes that have occurred in recent decades (the collapse of the socialist system and the USSR, the creation of new independent states, European integration processes, etc.) updated the problems of the formation of legitimate power in post-Soviet states, civil society, protection of private property, respect for human rights. These complex and contradictory processes were accompanied by an acceleration of the modernization of the political system of the post-Soviet states and the globalization of the world economy with all its consequences, both positive and negative.*

It is concluded that, as a whole, in the post-Soviet space as a political entity, there is a serious political struggle of actors of various levels (both from the outside and from the inside) for power and the ability to influence the development strategy and the policies of states.

Keywords: *modernization, transformation, political system, post-Soviet states, authoritarian regimes, economic reforms, political elite.*

ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Муродова Н.С. (Республика Таджикистан)

*Муродова Нигина Сулаймоновна - кандидат политических наук,
доцент, кафедра политологии,*

Аннотация: в статье рассмотрены особенности модернизации политической системы государств постсоветского пространства, которые сопровождались политическими изменениями, произошедшими в последние десятилетия (распад социалистической системы и СССР, создание новых независимых государств, процессы европейской интеграции и тому подобное), которые актуализировали в постсоветских государствах проблемы формирования легитимной власти, гражданского общества, защиты частной собственности, соблюдения прав человека. Эти сложные и противоречивые процессы сопровождались ускорением модернизации политической системы государств постсоветского пространства и глобализации мирового хозяйства со всеми ее последствиями, как позитивными, так и негативными.

Сделан вывод о том, что в целом на постсоветском пространстве как политическом образовании идет серьезная политическая борьба актеров разного уровня (как извне, так и изнутри) за власть и возможность влиять на стратегию развития и политику государств.

Ключевые слова: модернизация, трансформация, политическая система, государства постсоветского пространства, авторитарные режимы, экономические реформы, политическая элита.

Важнейшим политическим критерием и результатом трансформационного процесса должна стать качественная модернизация базовых институтов общества. К таким изменениям можно отнести: принятие новых конституций, провозгласивших общепризнанные демократические ценности, формирование демократических институтов, негосударственных средств массовой информации, формально независимой судебной власти и многопартийной системы.

К социально-экономическим критериям можно отнести развитие частной формы собственности и многообразие этих

форм как основы рыночной экономики, эффективность сложившейся модели экономики, уровень и качество жизни населения, место страны в мировом сообществе и мировом. Указанные выше обстоятельства требовали осмысления мирового опыта, а также соответствия модели развития общества, что только формируется, уровню его социально-экономического развития, особенностям культуры, образа жизни, национальным традициям и тому подобное. Поэтому постсоветское пространство стало своеобразной лабораторией, в которой апробировались различные экономические, социально-политические, культурно-цивилизационные модели.

Экономические реформы в постсоветских государствах направлялись преимущественно на быструю трансформацию отношений собственности. И осуществлялось это, к сожалению, за счет ущемления экономических и политических прав граждан. В 1990-е годы повсеместно наблюдался спад производства, снижение уровня доходов населения. Так, ВВП снизился в среднем на 20 - 30%, безработица с практически нулевой отметки возросла до 10 – 20%, реальная заработная плата сократилась в отдельных странах региона на 20 - 60% [5, с. 14]. Наблюдалось падение объемов производства во всех секторах экономики, обнищания большинства населения, имущественное расслоение, сокращение продолжительности жизни граждан. Приватизация не привела к структурной перестройке экономики и не создала широкого класса собственников. Хронический дефицит бюджетных средств в 1990-е годы ограничил возможности для осуществления адекватной социальной политики.

В итоге, социальная цена экономических преобразований оказалась существенно выше, чем предполагали инициаторы реформ: конституционные права и свободы человека были практически нереализуемы, ощутимо сократилась государственная поддержка социальной сферы, тогда как общемировой тенденцией было расширение социальных функций государства. Экономический кризис, острые социальные конфликты и политическая нестабильность повлекли за собой межнациональные конфликты в России, Таджикистане, Кыргызстане, Армении. Неразвитость демократических традиций,

предрасположенность к «сильной руке», разочарование населения в реформах - вот характерные признаки постсоветских обществ 1990-х годов.

Опыт постсоветской модернизации политической системы показал, что, во-первых, во многом стихийный процесс либерализации вызвал серьезный по масштабам и последствиям кризис в экономике, социальную напряженность, падение жизненного уровня значительной части населения. Прямое перенесение на почву посттрадиционных обществ, западных либерально-демократических институтов без учета региональной и национальной специфики привело к искажению трансформационных процессов. Безоговорочное отвержение в государствах, которые трансформируются, любых проявлений рыночного социализма и такое же безоговорочное исповедание классического либерализма не способствовали ни росту национального дохода, ни прогресса в большинстве отраслей производства и в сфере занятости.

Во-вторых, политическая элита большинства постсоветских государств осуществляла крупномасштабную либерализацию, не имея четко сбалансированной программы.

В-третьих, реформы в трансформирующихся обществах, не были подкреплены четким представлением о принципах государства: процесс деинституционализации привел к дискредитации старых государственных институтов, но не способствовал своевременной легитимации и эффективности новых. Для политических систем характерны были функциональная слабость и структурное несовершенство их институтов. Отсутствие четких представлений о направленности развития и стихийное внедрение реформ ослабляли государство. Итак, от реформирования страдало само государство, все его структуры. Тем временем, модернизация политической системы государства на новых принципах должно быть одним из основных факторов эффективных экономических и социально - политических процессов.

На характер и продолжительность модернизационных процессов повлияли такие факторы, как продолжительность «социалистической» истории государства. Страны Центральной и

Восточной Европы, в отличие от постсоветских, имели сравнительно непродолжительную «социалистическую» историю - около сорока лет. Более того, социализм не был для них собственным продуктом – он приносился извне, поэтому степень ментально-психологической готовности народов Центральной и Восточной Европы к изменению общественной системы был выше, чем в постсоветских обществах. Постсоветское общество, в котором социализм господствовал более 70 лет и был собственным «продуктом», оказалось психологически не готовым к трансформации. Следовательно, государства Центральной и Восточной Европы, и постсоветские государства имели различные стартовые условия.

Постсоветское пространство как историческое образование, сложившееся в результате распада СССР, имело свои особенности социального, политического, экономического и культурного развития. Новые конституции принимались в разных экономических, социальных и политических условиях, а потому дали разные результаты. Так, если в странах Центральной и Восточной Европы, и Балтии спад производства за 10 лет составил около 15%, то в странах СНГ - около 50%. В постсоветских государствах, в отличие от государств Восточной Европы, и до сих пор не произошло разделения власти, дифференциации национальной элиты на политическую и экономическую, что повлияло на характер политических и экономических институтов, развитие цивилизованной рыночной экономики.

Постсоветская модернизация политической системы характеризуется борьбой различных социально-политических сил за реализацию сценариев, отвечающих их интересам, институциональному развитию. Путь к политической и экономической модернизации, не один. Страны, которые проходили через процесс модернизации недавно, шли совсем иначе, чем их предшественники. Многие государства, особенно в Азии, успешно перешли к демократии «авторитарным» путем. Их опыт свидетельствует, в частности, о том, что успеха они добивались отнюдь не в условиях либеральной демократии.

Значительную роль играли автократические режимы, которые поддерживали процесс экономического развития.

Рассматривая постсоветские государства как переходные системы от тоталитаризма к демократии, некоторые исследователи уточняют: это переход «через стадию авторитаризма» [4, с. 120]. Г. Сакве считает, что политические системы постсоветских государств – это «не полномасштабный авторитаризм, а, скорее, синкретичная смесь авторитарных, либеральных и демократических элементов, которые можно определить, как авторитарную демократию» [2, с. 62]. В шкале автократия/демократия новые независимые государства были ближе к автократии. Власть рассматривала создание авторитарного режима как необходимое средство сохранения стабильности.

События 1990-х годов, развернувшихся в Центральной Азии, показали, что для стран этого региона характерны конфликты, вызванные низким уровнем жизни, нехваткой воды, земли. В регионе эти обстоятельства породили серьезные риски и угрозы (например, религиозный экстремизм, терроризм, контрабанда наркотиков и оружия). Они считаются как традиционные факторы (особенности социально - политической структуры местных обществ, соперничество элит и тому подобное). Все факторы, взятые вместе в разных вариациях, могут вызвать (и вызывают) острые социально-политические конфликты (например, события в Кыргызстане и Узбекистане в 2005 - 2006 годах).

В посттрадиционных обществах Центральной Азии, как правило, государственное руководство возглавляет политический лидер харизматического типа, часто наделен неограниченными полномочиями (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан). Преимущество государственно-административных институтов над обществом имеет практически абсолютный характер. Для политического режима, например, Узбекистана характерны широкие полномочия президента как главы государства, парламент не имеет реальных контрольных полномочий, существует цензура СМИ, деятельность политических организаций ограничивается. Совокупность международных,

политических, социально-экономических, культурных факторов расширяет возможности для усиления авторитаризма.

Особенностью институционального пространства постсоветских государств является также нестабильность законодательства, постоянное воспроизведение административно-командных методов управления, социальная инертность и слабость протестного потенциала граждан, зависимость человека от государства. Так, власти Туркменистана пытались доказать наличие «третьего пути» развития, а отрицание многопартийности, свободных выборов и свободы слова объясняла «особенности туркменской модели демократии».

Центральным вопросом модернизации государственной власти является способность обеспечить устойчивость функционирования политической системы. Реформы в постсоветских государствах тормозились именно вследствие нерешенности вопроса о власти, демократической по форме и авторитарной по сути (это подтверждают события в Узбекистане в 2005 году и в Кыргызстане в 2002 и 2005 - 2006 годах).

Факторами, представляющими угрозу для легитимации политических процессов в постсоветских государствах, стало и неравновесие полномочий исполнительной и законодательной ветвей власти. Неэффективность функционирования ветвей власти способствует усилению авторитаризма. Управленческая и экономическая власть сосредоточена преимущественно в руках исполнительных органов, а полномочия парламента и судов заметно ограничены. Политическая элита формировалась сверху, а новые социальные и политические структуры были слабыми и не пользовались широкой поддержкой населения. Представители центральных органов власти, в чьих руках сосредоточена большая часть административно - правовых и экономических ресурсов общества, влияли на формирование нормативно-правового пространства и выбор сценариев развития общества и государства. Следовательно, возникает проблема выбора модели реализации принципа разделения властей, оптимального разграничения полномочий органов законодательной власти и управления, создание эффективной системы сдержек и противовесов. При этом важно учитывать в каждом конкретном

случае исторический опыт и традиции страны, внутривнутриполитическую ситуацию, уровень политической культуры населения, наличие демократических институтов, задачи, которые необходимо решать государству на конкретном этапе ее развития.

Социальная практика показала, что слабость политических партий и общественных организаций государственная власть и политическая элита ряда государств пыталась компенсировать внедрением в политической жизни давления «сверху». Слабость политических партий выражалась в том, что их деятельность ограничивалась лишь борьбой за депутатские мандаты. Реализация краткосрочных электоральных проектов возлагалась преимущественно на административный аппарат органов исполнительной и представительной власти, а также на государственные учреждения социальной сферы. Практика свидетельствует, что использование административного ресурса порождает скрытую форму протеста, что может привести, как минимум, к росту абсентеизма.

Возможность участия граждан в политической жизни напрямую связана, в частности, с уровнем социально-экономического и культурного развития страны. Экономическая модернизация обуславливает повышение жизненного и образовательного уровня населения и освобождает людей от той разновидности страха, вызываемого существованием на грани физического выживания. Это позволяет человеку расширять диапазон целей, актуализировать те из них, которые оставались в латентном состоянии на ранних этапах экономического развития. Одной из таких ранее потенциальных побуждений является желание получить признание своего человеческого достоинства, признания, что достигается путем участия в работе политической системы. К сожалению, и сейчас граждане ряда государств не имеют в своем распоряжении каких-либо существенных экономических и политико-правовых ресурсов, которые бы позволили им сознательно и активно участвовать в трансформации общества.

В 2003 - 2006 годах ситуация на постсоветском пространстве стала меняться в сторону все большей востребованности гражданских и политических прав и свобод, проведения честных и

прозрачных выборов, реальных подвижек в демократизации общества. При этом отмечается заметный рост протестного потенциала. В целом на постсоветском пространстве как политическом образовании идет серьезная политическая борьба акторов разного уровня (как извне, так и изнутри) за власть и возможность влиять на стратегию развития и политику государств.

Выводы. В постсоветских государствах большое влияние на модернизацию политической системы осуществляет национальная политическая элита, которая в 1990-е годы имело в целом те же традиции и ту же политическую практику, что и советская. Стратегия единого постсоветского пространства сохраняла политическую элиту, которая сформировалась в странах СНГ. Но за годы политических и социально-экономических реформ в большинстве государств сформировалось новое поколение элиты, обладающее широким спектром ресурсов для вполне успешной борьбы за власть. Это, в свою очередь, повлекло на фоне социальных проблем, обострившихся, раскол как внутри элиты, так и в обществе в целом. Не случайно, что такое разграничение привело к серьезным политическим конфликтам в форме «революции роз», «оранжевой революции» и тому подобное. Отличительная черта этих событий - высокая степень их «интернационализации», вмешательства внешних сил – западных, исламских и других. Указанные выше обстоятельства требовали осмысления мирового опыта, а также соответствия модели развития общества, что только формируется, уровню его социально-экономического развития, особенностям культуры, образа жизни, национальным традициям и тому подобное. Поэтому постсоветское пространство стало своеобразной лабораторией, в которой апробировались различные экономические, социально-политические, культурно-цивилизационные модели развития.

Список литературы / References

1. *Ахметов К.* Казахстанская демократия в оценках политологов // Мысль, 2015. № 9. С. 31-40.

2. *Сакве Г.* Режимная система и гражданское общество // Полис, 2014. № 3. С. 61-83.
3. *Сапаров Н.* Об особенностях «туркменской модели демократии» // Центральная Азия и Кавказ, 2000. № 2 (8). С. 252-260.
4. *Сысоев В.А.* Новые демократии Центральной и Восточной Европы: проблемы политической трансформации // Политическая наука. Динамика политического сознания и поведения. М.: РАН. ИНИОН, 2015. № 2. С. 103-119.
5. *Толипов Ф.* Демократизм, национализм и регионализм в странах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ, 2015. № 4 (10). С. 7-18.

**XIII INTERNATIONAL CORRESPONDENCE SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW
OF THE PROBLEMS OF LAW,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE
Boston. USA. February 27-28, 2020
[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.COM](https://scientific-conference.com)**

**COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES
PUBLISHED BY ARRANGEMENT WITH THE AUTHORS**

You are free to:

Share — copy and redistribute the material in any medium or format

**Adapt — remix, transform, and build upon the material
for any purpose, even commercially.**

Under the following terms:

**Attribution — You must give appropriate credit,
provide a link to the license, and indicate if changes were made.**

**You may do so in any reasonable manner,
but not in any way that suggests the licensor endorses you or your use.
ShareAlike — If you remix, transform, or build upon the material, you must
distribute your contributions under the same license as the original.**

**ISBN 978-1-64655-023-4
INTERNATIONAL CONFERENCE**

PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA

DISTRIBUTED FREE OF CHARGE